

Байки из... театра

Волошин В.А.

В любом театре страны есть герои легенд и баек. Не является исключением и наш Чеховский театр. Истории, с которыми мы вас сейчас познакомим, не являются домыслом или буйной фантазией автора. Они передаются из поколения в поколение, сохраняются в памяти старых театралов. Одни истории веселые и забавные, другие - серьезные и местами грустные. Итак, история первая. Грустная.

ЧП ГОРОДСКОГО МАСШТАБА, ИЛИ ПОТОЛОЧНАЯ ИСТОРИЯ

В Таганрогском драматическом театре имени А.П. Чехова шел 4-й театральный сезон после освобождения города от немецко-фашистской оккупации. 7 ноября (а может, и накануне) в театре проходило торжественное заседание по поводу 30-летия Октябрьской революции. В зале в основном присутствовала партийная номенклатура, руководящие работники советских органов, ударники труда, передовики производства. После торжественной части участникам собрания показали спектакль...

А потом наступили трудовые будни. Ровно через неделю, 14 ноября, в пятницу, в театре, как всегда, давали вечерний спектакль, который окончился поздно. В театре еще какое-то время оставались художники Николай Павлович Кузнецов и его помощник Миша Белоцерковский, которые рисовали задник к новому спектаклю «Хождение по мукам». Закончив работу, они разошлись по домам. А через некоторое время после их ухода вахтеры услышали страшный грохот со стороны зрительного зала. Войти в зал не представлялось возможным: густая сизая пыль, за которой ничего невозможно было рассмотреть, повисла в воздухе. Отключилось электричество.

Вахтеры тут же позвонили директору театра А.М. Бертему, который жил в старинном особняке рядом с театром. И через несколько минут он уже входил в театр. Послали нарочных за электриками Е.В. Нестюриным и Г.А. Довиденко. Сообщили в милицию и пожарную часть. Каким-то образом о случившемся узнали и работники городского отдела МГБ, здание которого находилось через дорогу, на углу Мечниковского переулка и улицы Ленина.

Когда с помощью брандспойтов осадили пыль, взору собравшихся предстала ужасающая картина: на венских креслах партера, на сцене и в оркестровой яме валялись потолочные секции, кругом все было усыпано штукатуркой, покрыто обломками конструкций потолка, толстым слоем пыли. А в зияющем проеме потолка, как ни в чем не бывало, висела люстра. Это было какое-то чудо – упавшие части потолка даже не зацепили ее. Хрустальные гирлянды были целы и невредимы. К этому времени люстра уже 20 лет висела в зале, пережила 20-30-е годы, оккупацию, войну, вот и теперь уцелела. Это походило на мистику. Все собравшиеся в зале увидели в этом божественный знак. В эти дни посмотреть на «чудо» приходили многие работники театра, верующие осеняли себя крестом в знак Божьей милости.

А бдительные чекисты завели дело и стали разбираться. Допрашивали всех: художников, электриков, осветителей, вахтеров и другой технической персонал. Но криминала в виде вредительства или теракта не нашли и дело раскручивать не стали. Не дай Бог, если бы это случилось семью днями раньше, в дни празднования 30-летия Октября, неизвестно чем бы все кончилось для некоторых участников события. Но к чести городских чекистов никаких репрессий не последовало. Хотя вполне могли сфабриковать какое-нибудь «театральное дело». Все формальные признаки имелись.

Благополучно завершившаяся «потолочная история» имела продолжение в виде длительных ремонтно-восстановительных работ. Они завершились только в ноябре 1949 года, а 26-го состоялось торжественное открытие театра. Потолок восстановили, но уже без художественной росписи плафона, на котором прежде красовались девять муз покровительниц искусств. В ходе реконструкции существенно изменился фасад театра, выходящий на улицу Ленина, в частности был демонтирован и отправлен на переплавку металлический портик, предварявший вход в театр, под сводом которого более 80 лет укрывались от непогоды таганрогские театралы.

БЕЛОКУРОВ И ДРУГИЕ

В 1946 году художественный консультант Чеховского театра, в те годы актер МХАТа, профессор ГИТИСа, заслуженный артист РСФСР

В.В. Белокуров и педагог-режиссер ГИТИСа В.И. Мартынова прибыли в Таганрог для постановки «Иванова». Их визит не был случайным – именно в 1944 году весь студенческий выпуск ГИТИСа прибыл в Таганрог и пополнил поредевшую труппу театра. И целое десятилетие В.В. Белокуров и В.И. Мартынова опекали своих питомцев, отслеживали их творческую судьбу.

В.В. Белокуров на репетициях был жестоким, порой даже деспотичным. Обычно репетиции он начинал, как и положено, в 10 часов утра, но закончить их мог минут за 20 до начала вечернего спектакля, так что актеры даже не успевали отдохнуть. А по нормам на репетицию полагалось четыре часа в день с перерывом на обед и небольшими паузами-перекурами. Но какие там перекуры! В основном перекуривал сам мэтр, а актеры пользовались моментом, и пока в мизансценах были заняты одни, другие в это время наспех делали несколько затяжек или успевали выпить стакан остывшего чая. Даже были случаи, когда после окончания вечернего спектакля, а это происходило часов в 11 ночи, он вдруг объявлял репетицию. И актеры всю ночь репетировали спектакль.

А еще Владимир Вячеславович требовал, чтобы во время репетиций в зале никого не было, и не то чтобы посторонних, но даже работников театра и актеров, не занятых в «Иванове». Такие репетиции К.С. Станиславский называл «интимными». Верным стражем и смотрителем порядка в эти часы у Белокурова была билетерша Евдокия Николаевна Шевченко. По имени и отчеству ее никто не величал, а звали просто Дусей. Женщина бальзаковского возраста, приятной наружности, вызывала чувство симпатии у московского режиссера. Впрочем, симпатии были обоюдными. В обязанности Дуси, помимо обеспечения рабочей тишины в зале, входило выполнение несложных поручений Белокурова – чаек разогреть, кофе заварить, доставить из ближайшего гастронома бутылочку коньяка или купить свежую газету и пачку «Беломора».

Во время репетиций, когда у Белокурова возникала потребность перекурить и выпить чашечку чая, репетицию продолжала Валентина Ивановна Мартынова. Обычно перекур происходил в Дусиной каморке, которая находилась недалеко от зрительного зала. Там его ждал по-домашнему сервированный столик, бутылочка армянского коньяку и несколько минут блаженства в клубах крепкого «Беломора». Завершив ритуал, Владимир Вячеславович возвращался в зал, и репетиция уже продолжалась под его патронажем.

Разумеется, такой суровый режим репетиций актерам не нравился. Народ меж собой роптал, но громко никто не высказывался. Крутой нрав В.В. все знали еще со студенческой скамьи, поэтому терпели. Незадолго до приезда Белокурова в театре появился новый актер, которого вскоре избрали председателем месткома. Как человек «нездешний», он всех этих тонкостей, естественно, не знал. И вот однажды склонные к розыгрышам актеры решили пошутить и подослали новенького к Белокурову защитить их законные права и интересы.

Произошло это во время очередной репетиции. Предместкома тихонечко вошел в зал и обратился к сидящему за небольшим столиком Белокурову с предложением сделать перерыв, так как актеры изрядно устали. Наступила неловкая пауза, и в зале, как пишут в рома-

нах, нависла мертвая тишина. Актеры, находящиеся на сцене, с интересом наблюдали за происходящим. И вдруг в этой зловещей тишине, в полутемном зале раздался дикий рев: «Ду-ся! Ду-у-ся-я-я!».

В зал вбежала перепуганная до смерти Евдокия.

– Владимир Вячеславович, что случилось?

– Ду-у-ся, - заикаясь, проговорил В.В., – к-к-ак он по-п-пал в зал, а?!

Дуся начала оправдываться, пояснять, что это не посторонний, что это их председатель месткома, но Белокуров ее не слушал.

– Дуся, я тебя прошу, сделай так, чтобы я никогда больше этого человека в зале не видел!

Полномочный представитель быстренько ретировался, а Белокуров с достоинством направился в Дусину каморку выкурить свою любимую «беломорину» и выпить рюмочку коньяку. Через десять-пятнадцать минут, умиротворенный, он возвратился в зал, и репетиция пошла в обычном режиме.

«НЕЗАБЫВАЕМЫЙ 1919-Й», ИЛИ КАК ТЕАТР ЧУТЬ НЕ «ЛИШИЛСЯ» ГЛАЗЫРИНА

Со дня прибытия молодых артистов в Таганрог прошло шесть лет. Труппа возмужала, приобрела сценический опыт и огромную популярность не только в Таганроге, но и во всей Ростовской области. Имена актеров были на слуху, их хорошо знали в городе. В 1950 году главный режиссер Чеховского театра С.С. Лавров поставил пьесу известного советского драматурга Всеволода Вишневского с романтическим названием «Незабываемый 1919-й». Эта работа театра посвящалась 33-й годовщине Великого Октября, однако премьера состоялась только 24 ноября.

Воспевая романтику пролетарской революции и Гражданской войны, Вишневский сделал главным героем пьесы верного ученика В.И. Ленина – И.В. Сталина, который по заданию Ильича руководил оборонной Петрограда, ловко раскрывал контрреволюционные заговоры и спас Петроград от наступающих войск Юденича.

Роль В.И. Ленина поручили артисту Виктору Волкову, а Сталина – Алексею Глазырину. По воспоминаниям ветеранов театра, Алексей Глазырин не отличался особой красотой – рябоватое лицо с вечно суровым взглядом, то ли не выспался, то ли еще чего. Ну какой из него Сталин? Народ представлял себе Сталина статным красавцем, с волевыми чертами лица, мудрого и глубоко человеческого – таким, каким его изображали на картинах и в кинофильмах. Но гримеры подобрали грим, супруги Пашковы сделали парики, костюмеры пошили одежду.

И вот настал день, когда Волков и Глазырин при полном параде вышли на сцену. Все просто остолбенели – перед ними стояли живые Ленин и Сталин, соратники, единомышленники, вожди. Но больше всего поражал загримированный Глазырин. Куда делась угрюмость, выражение скепсиса, суровость взгляда? А когда он улыбнулся и, копируя Сталина, поднес ко рту трубку, все вокруг не удержались и зааплодировали. Присутствующие на сдаче спектакля представители из Ростова только руками развели.

Спектакль получил «добро» с рекомендациями «кое-что доработать». Правда, талантливому актеру Виктору Арсентьевичу Волкову сыграть В.И. Ленина довелось не более двух раз, его сняли с этой роли – то ли звания «заслуженного» не хватало, то ли кому-то из областных чиновников не понравилась трактовка образа. В дальнейшем его играл ростовский актер театра имени А.М. Горького, заслуженный артист РСФСР А.Г. Шейн. Премьера спектакля прошла на ура, зал стоя приветствовал артистов и аплодисментами вызывал на поклон.

Но самые интересные события стали разворачиваться потом. В это же время на «Мосфильме» полным ходом шла экранизация этой пьесы. Снимал фильм известный кинорежиссер тех лет Михаил Чиаурели. Роль Сталина в нем исполнял народный артист СССР Михаил Геловани, ранее создавший образ вождя в нескольких кинолентах. Народ привык к

этому образу и других актеров в роли Сталина не мог себе представить. Правда, имелась небольшая загвоздка. Дело в том, что артист Геловани почти на 20 лет был старше своего героя, Сталину в 1919 году исполнилось сорок, а Геловани – 58. Эта разница вызывала у постановщиков фильма некоторое смущение.

Каким-то образом в Москве стало известно, что в Таганроге Сталина великолепно играет молодой двадцативосьмилетний актер. И руководство Мосфильма направило в Таганрог своего представителя с большими полномочиями.

Увидев Алексея Глазырина на сцене в образе И.В. Сталина, московский гость оцепенел, не ожидая увидеть подобное. И после спектакля заявил главрежу С.С. Лаврову и директору А.М. Бертему, что хочет встретиться с артистом и, скорее всего, заберет его в Москву. Узнав об этом, Алексей Глазырин попросил у своего друга – заведующего постановочной частью театра Е.В. Нестюрина ключ от окна в цокольном этаже здания, которое всегда запиралось на замок. И, воспользовавшись паузой, сбежал. Поисками был занят чуть ли не весь персонал театра, но безуспешно. А Евгений Васильевич Нестюрин только помалкивал и улыбался.

Не дождавшись randevу с актером, представитель Мосфильма ни с чем отбыл в столицу. Такой исход устраивал и руководство театра, иначе спектакль пришлось бы снимать с репертуара. Заменить Алексея Глазырина было некем. А «Незабываемый 1919-й» с успехом шел на сцене Чеховского театра до марта 1953 года.

«СНИМАЙ ЧАСЫ, ДЯДЯ...»

Честно говоря, напрямую к театру эта история никакого отношения не имеет. Но в ней участвовали театральные звезды первой величины. Этот криминальный сюжет стал известен благодаря воспоминаниям старейшей актрисы Чеховского театра Варвары Михайловны Нагоровой, супруги главного режиссера Чеховского театра 40-60-х годов С.С. Лаврова. Собственно, он и стал главным действующим лицом этой давно позабытой истории.

Пятидесятые годы в Таганроге были беспокойными. Криминальная обстановка оставляла желать лучшего. Милиции и прокуратуре дел хватало, выражаясь языком одесситов, «по самые гланды». Ночные грабежи, убийства, квартирные кражи - вот далеко не полный перечень злостных преступлений тех лет.

Как-то поздно вечером, после вечернего спектакля, которые в те годы заканчивались за полночь, Сергей Сергеевич Лавров возвращался домой. Настроение было приподнятое, спектакль прошел без сучка и задоринки, тепло принятый зрителем. По старой театральной традиции режиссер позволил себе слегка расслабиться с друзьями-актерами. Расставшись с коллегами около скверика с Черномором, Сергей Сергеевич пошел домой. В неосвещаемом Малом Садовом переулке, где он жил с женой, к нему подошли двое незнакомых парней и, прижав к стене парка, тихо сказали: «Снимай часы, дядя!». Сергею Сергеевичу очень не хотелось расставаться с новенькой, недавно приобретенной «Победой». Тем более что деньги на нее он копил целый год. Но, как говорится, жизнь дороже, и он снял часы.

На следующий день о постигшей его беде он рассказал своему другу, актеру Алексею Глазырину. Как мы уже писали выше, Глазырин пользовался невероятной популярностью в криминальной среде и многих воров знал лично. И его знали многие авторитеты. Эта публика очень уважала талантливого артиста, особенно любила слушать, как он исполняет старинные романсы под собственный аккомпанемент на гитаре. Не гнушался артист и блатных песен. Обычно с этими парнями Алексей встречался на городском рынке, в пивных или кафе, именуемых в городе «забегаловками». Общаюсь с ними, держал дистанцию, панибратства и «братания» не допускал. Знал себе цену.

Выслушав расстроенного друга, Глазырин пообещал «разобраться» с этим делом. Буквально на следующий день он подошел к главрежу и со словами: «С тебя магарыч, Сережа!» протянул ему часы. Лавров не поверил своим глазам - это были его часы, на его кожаном ремешке. Растрогавшись, он даже не спросил, как Алексею удалось их раздобыть. Эмо-

ции переполняли, радости не было предела, и друзья тут же отправились в хорошо знакомое кафе «Три медведя» отмечать «находку». А уже в кафе, сидя за столиком, Глазырин рассказал, что ему пришлось кое-где побывать, кое с кем побеседовать и объяснить, что так поступать с деятелями культуры «западло». И через пару часов ему принесли эти часики. Видимо, воруги не успели сбыть часы барыгам.

РОЗЫГРЫШ

Среди актеров разных поколений существовал и, говорят, существует до сих пор типичный розыгрыш, ставший классикой жанра. Это когда артисту по роли приходится изображать прием спиртных напитков, но при этом всегда находится любитель подшутить над коллегой, и вместо бутафорского напитка в емкость (графин, бутылку, бокал) наливают натуральное зелье. Цель такого розыгрыша одна - посмотреть на реакцию артиста во время соответствующей мизансцены и, конечно же, посмеяться над жертвой.

Зная, что Алексей Глазырин не прочь побаловаться напитком Бахуса, над ним неоднократно подшучивали. Как-то в театре ставили какую-то классическую пьесу – то ли А.Н. Островского, то ли М. Горького. Одну из главных ролей в ней играл Глазырин. В одной из сцен он наносит визит некой богатой особе. К его приходу дама готовится заранее, выставляет на стол графинчики с «водкой», «вином» и «коньяком» и тарелочки с легкой закуской. Понятно, что все напитки бутафорские. Но в один из графинов кто-то из артистов налил настоящий коньяк. Друзья постарались.

И вот играется эта мизансцена. Глазырин заходит в апартаменты к этой даме, и та любезно приглашает его за столик «откушать водочки». Играется типичный светский раут на двоих. Дама с улыбкой, радушно предлагает гостю на выбор вино, коньяк или водочку. Глазырин задумывается и говорит:

– Пожалуй, я сегодня выпью коньячку.

Дама наливает ему рюмку и, держа ее двумя пальцами за ножку, подносит своему визави. Глазырин галантно раскланивается и со словами «мерси, мадам» опрокидывает стопку в рот. Глотнув настоящего коньяку, артист задумывается, наступает незапланированная пауза. Потом ставит рюмку на стол и благодарит даму:

– Мерси, мадам, у вас отличный коньяк.

Дальше происходит диалог согласно тексту пьесы.

Через какое-то время Глазырин вдруг произносит «отсебятину» – фразу, которая не предусмотрена ролью:

– А не повторить ли нам, мадам, еще раз?

Актриса в шоке, не поймет в чем дело, что надо повторить, и она мешкает. Глазырин, видя, что его не поняли, с некоторым чувством восторга повторяет:

– У вас прекрасный коньяк, мадам!

Дама спохватывается и наливает собеседнику вторую рюмку. И все повторяется сначала. Глазырин опрокидывает рюмку, причмокивает и благодарит хозяйку за радушие. А дальше текста нет. Дальше он должен раскланяться и уйти. Но как уходить, когда на столе недопитая бутылка коньяка? И тогда Алексей импровизирует. Он галантно целует даме руку и вопрошает:

– А может, еще на посошок?

И тут актриса догадывается, в чем дело. Подыгрывая Глазырину, наливает ему третью рюмку. Алексей так же медленно, с достоинством выпивает третью рюмку, ставит ее на стол, повторно целует руку даме и направляется к выходу. А дама ему вслед кричит:

– Не забывайте меня, сударь, заходите почаще, буду только рада!

– Непременно-с, мадам, дай Бог еще свидимся! – парирует Глазырин и с достоинством скрывается за кулисами.

А там уже творится что-то невероятное: артисты молча трясутся от хохота и хватаются за животы. Розыгрыш удался. Но Глазырин на такие шуточки не обижался.

ПРОЩАНИЕ С ТАГАНРОГОМ

Через год после постановки «Незабываемого 1919-го» С.С. Лавров приступил к репетициям спектакля «Маскарад» по одноименной драме М.Ю. Лермонтова. В судьбе Алексея Глазырина эта постановка сыграла особую роль. В ней он сыграл Арбенина – одну из последних больших работ на сцене Чеховского театра. Так вышло, что в этот же год «Маскарад» ставился и в Таганроге, и в Ростовском театре имени А.М. Горького. Только в Таганроге премьера состоялась в июне, а в Ростове - в ноябре.

В областной газете «Молот» ростовский Арбенин подвергся резкой критике. Цензор писал: «...актер не оттенил глубины духовных противоречий Арбенина, не выразил желчный ум, которым герой безжалостно казнит и пестрый светский сброд, и самого себя. Арбенин, лишенный главных характерных черт, превратился в мелодраматического героя, для которого постановщик приготовил немало «красивых» поз и жестов, например, ползание Арбенина на коленях, его «эффектное» появление с охапкой цветов и т.д.»

А к таганрогскому Арбенину критика отнеслась благосклонно. Хотя и Глазырин тоже ползал на коленях. В самой последней картине, когда Арбенин узнал о смерти Нины, у него подкосились ноги, он упал на колени и, рыдая, буквально выполз на авансцену. Глазырин рыдал по-настоящему, с ним происходила натуральная истерика. Старые театралы рассказывали, что на Глазырина без сострадания невозможно было смотреть, женщины в зале не стеснялись своих слез. Хотя по жизни актер считался волевым человеком, внутренне сильным и деятельным.

Тут следует заметить, что картежником, как его герой, Алексей Глазырин не был и картами абсолютно не увлекался. Правда, он не раз наблюдал, как его друзья играют в преферанс в уютном частном дворике в 26-м переулке, утопающем в цветах и зелени фруктовых деревьев. За карточным столом частенько собирались директор театра тех лет Л.П. Иваненко и актеры В.А. Шагов и В.А. Волков. Один из участников игры, человек далекий от богемного круга, рассказывал, как Алексей подсаживался к их столу, доставал из кармана сложенную пополам тетрадку и начинал вслух декламировать с разными интонациями один и тот же монолог. И все спрашивал: «Ну как? Какой вариант лучше?».

Заведующий постановочной частью театра тех лет Е.В. Нестюрин, близко знавший актера и друживший с ним, однажды рассказал такую историю.

«Как-то перед началом спектакля Глазырин подошел ко мне и говорит: «Не знаю, Женя, как буду сегодня играть. Совсем нет настроения, не идет у меня Арбенин». Потом вернулся и пошел к себе в гримерку. В антракте после третьего действия он опять подошел ко мне и говорит: «Жень, выпусти меня, пойду выпью чего-нибудь, а то не осилю девятую картину» (в девятой картине умирает Нина - В.В.).

Через «потайную» дверь мы вышли с ним в небольшой скверик, где тогда находился широко известный павильон «Пиво-соки-воды». Взяли по сто грамм водки и сели за столик. Я то и дело поглядывал на часы, а на нас уже всю глазели завсегдатаи этого заведения – Алексей ведь был в гриме и в костюме XIX века. Прошло несколько минут, мы чокнулись, произнесли традиционное «Ну, будем!», и Алексей отставил стакан. Я говорю ему: «Леш, ну давай, три минуты осталось до начала», а он: «Успеем, Женя, не идет проклятая, и не выпить нельзя». И вот, когда оставалась ровно одна минута, он залпом хватил стакан, запил водой и скомандовал: «Теперь на сцену!».

В театре уже был настоящий переполох, ведь никто не видел, как мы выходили. Подбежал Костя Хлопотов, ведущий спектакля, весь на нервах, и кричит: «Где вы шляетесь?! Ему же выходить!» - и показывает на Глазырина. А тот ему в ответ: «Замолкни! Не тебе же играть», - и пошел на сцену как ни в чем не бывало. Вскоре раздался финальный монолог Арбенина».

Последний раз Алексей Александрович Глазырин сыграл Арбенина в 1954 году. Так получилось, что этот спектакль стал для него последним на сцене Чеховского театра. И сле-

зы, которые текли по его щекам в сцене смерти Нины, были слезами прощания с любимым театром, друзьями и Таганрогом. В этом году он уехал в Новосибирск в знаменитый в те годы драматический театр «Красный факел», где вскоре получил звание заслуженного артиста РСФСР.

В Таганрог А.А. Глазырин приедет только в 1970 году на 25-летний юбилей постановки «Трех сестер» на сцене Чеховского театра. Но это уже совсем другая история.

«ДАВНЫМ-ДАВНО»

Рассказывая о старой гвардии актеров Чеховского театра послевоенной поры, как не вспомнить любимицу таганрогской публики, выпускницу ГИТИСа 1944 года, легендарную актрису Людмилу Антонюк. По своему театральному амплуа она безусловно была героиней и создала на сцене театра десятки замечательных, памятных образов. Здесь мы вспомним только одну ее работу - роль Шурочки Азаровой в героической комедии А. Гладкова «Давным-давно».

Но сначала несколько слов о самой пьесе. Поэт Александр Гладков написал ее в самые тяжелые для Красной армии дни лета 1941 года. В ней речь шла о борьбе русского народа с французскими завоевателями, дошедшими до Москвы зимой 1812 года. По этой пьесе Ленинградский театр музыкальной комедии поставил спектакль с тем же названием, премьера которого состоялась в ноябре 1941 года в блокадном Ленинграде. А в таганрогском театре спектакль «Давным-давно» поставил главный режиссер театра С.С. Лавров в 1956 году.

Собрав на первую репетицию актеров, Сергей Сергеевич предупредил, что в спектакле придется не только играть, но и петь. «Фанера» тогда еще не практиковалась, и на сцене вживую зазвучали трогательные романсы и песни. Шурочка Азарова (Л.С. Антонюк) пела нежную колыбельную: «Лунная поляна, ночь как день светла. Спи, моя Светлана, спи, как я спала...», очаровательная француженка Луиза Жермон (М.М. Плышевская) для своих русских поклонников, офицеров гусарского полка, кокетливо исполняла: «Пусть плещет вино, я пью, мне все мало, уж кружится зала, я пью все равно.», а безголосый В.Н. Карпашиков виртуозно распевал куплеты Лепелетье: «Жил-был Анри Четвертый, он славный был король, вино любил до черта, но трезв бывал порой...». Зал содрогался от аплодисментов и хохота одновременно. И все это, заметьте, происходило не в мюзикомедии, а в драматическом театре, где ни один актер не имел специальной вокальной подготовки, но зато все отличались высокой культурой игры, особым актерским темпераментом и самопожертвованием.

На одной из репетиций режиссер подозвал к себе Людмилу Антонюк и говорит: «Есть одна эффектная сцена. Если захочешь, поставим». «Какая?» – спрашивает актриса. «Да ничего особенного, надо будет просто упасть», – интригуяще проговорил Сергей Сергеевич. Антонюк рассмеялась: «Вот удивили! Надо – значит, упаду!». Тогда Лавров подвел ее к декорациям и, указывая на пригорок, который находился примерно на высоте 3-4 метров от уровня пола, добавил: «Падать будешь оттуда, согласна?». Актриса сначала опешила, а через секунду с игривой интонацией произнесла: «Ну что ж, упаду и оттуда». И когда в спектакле она летела с этого пригорка, а внизу ее ловили гусары, зал сначала замирал, а потом взрывался аплодисментами.

Следует заметить, что в спектакле были заняты все звезды театра тех лет. Павел Будяк играл Дениса Давыдова, Виктор Волков - М.И. Кутузова, Григорий Маркович - добродушного графа Нурина, а Василий Шагов - обаятельного поручика Ржевского. Лейтмотивом в спектакле звучали слова песни, которую распевали бравые гусары:

И если враг в слепой надежде
Русь покорить захочет вновь,
Его погоним, как и прежде –
Давным-давно,

давным-давно!

давным-давно!..